

А. А. Сахаров, Н. В. Сухова

ЛЕРМОНТОВСКОЕ «БОРОДИНО»: ПРОБЛЕМА ПРОТОТИПОВ

Бессмертные слова «Москва за нами»
Мы помним со времен Бородина...
(Современная песня)

В связи с очередной годовщиной Бородинского сражения мы решили вновь обратиться к давно закрытой проблеме прототипов персонажей стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино». Это вызвано тем, что в последнее время в научных сборниках и в СМИ (в том числе в сети Интернет) стали появляться публикации, авторы которых вновь «находят» единственных прототипов основных героев этого хрестоматийного стихотворения.

Таких героев три – молодой воин, желающий узнать правду о знаменитой битве, ветеран, рассказывающий о сражении, и полковник, «рожденный хватом». В основном все исследователи пытаются определить (и при этом, повторимся, однозначно) второго и третьего персонажей.

Мы рассмотрим различных «претендентов», когда-либо рассматривавшихся в качестве прообразов, а также позволим себе предложить еще нескольких героев Отечественной войны 1812 года, которых можно считать прототипами одного из персонажей. Однако при этом твердо отстаиваем свое убеждение в том, что М. Ю. Лермонтов не был бы великим поэтом, из стихотворения которого, по словам Л. Н. Толстого, вышел роман «Война и мир», если бы просто передал рифмованной речью рассказ одного из участников событий, описав реальные действия реальных людей. Итак...

I. «Скажи-ка, дядя...»

В статье С. Розанова говорится как об известном всем факте, что «ученые почти наверняка „вычислили“ прототип „дяди“ – старого солдата, от лица которого ведется повествование о Бородинской битве. Это унтер-

офицер лейб-гвардии Литовского (затем Московского) пехотного полка Андреев. Лермонтов хорошо знал этого человека. В 1836 г., когда художник П. Заболотский писал портрет ветерана, исполняя заказ к грядущему 25-летию Отечественной войны 1812 года, Михаил Юрьевич брал уроки живописи у этого художника и часто посещал его мастерскую»¹. Там-то и разговорился поэт с «богатырем», вызнал у него подробности достопамятного сражения.

Однако не будем забывать, что еще за пять лет до «Бородина», к двадцатой годовщине сражения Лермонтов написал стихотворение «Поле Бородина», часть которого перенес и в новый, гораздо более совершенный вариант. В «Поле Бородина» еще нет тех подробностей, что появятся в 1837 г., нет той эпичности описания, по которой до сего дня основные этапы боя могут изучаться школьниками, как бы ни уточняли историки отдельные эпизоды и всю хронологию боя. Но основные знания о сражении есть и в этом раннем стихотворении. А значит, и до встреч с Андреевым многое знал юный поэт о ходе битвы.

Александр Смирнов столь же категорично утверждает, что «дядей», с обращения к которому начинается стихотворение, «был не абстрактный родственник, а его родной дядя, офицер Морского Гвардейского экипажа – Михаил Николаевич Лермонтов»². Во-первых, следует уточнить, что М. Н. Лермонтов никак не может быть «родным дядей» поэта (у Ю. П. Лермонтова были только сестры), он приходился ему более дальним (шести-юродным) родственником. Действительно, М. Н. Лермонтов, впоследствии адмирал, – участник Бородинского сражения. Команда из 30 самых опытных матросов Гвардейского экипажа под началом мичмана М. Н. Лермонтова вместе с гвардейскими егерями охраняла мост через р. Колочь у с. Бородино. После внезапной атаки превосходящих сил французской армии в самом начале сражения егеря вынуждены были отступить за мост, и моряки подожгли его. Однако часть французской пехоты успела на плечах отступавших переправиться через Колочь и продолжала наступление в направлении д. Горки. При поддержке подошедших егерских полков русские перешли в контратаку и, отбросив французов к реке, почти полностью их уничтожили. Моряки при этом завершили уничтожение переправы. За этот подвиг мичман М. Н. Лермонтов удостоен ордена Св. Анны 3-й степени, а его подчиненные – знаков отличия Военного ордена (солдатский Георгий).³

С М. Н. Лермонтовым поэт мог встречаться в Санкт-Петербурге, хотя сведений об этих встречах не сохранилось. М. Н. Лермонтов и сам писал стихи, поэтому одно время именно его многие считали автором этого стихотворения.

Конечно, мы солидарны с мнением А. Смирнова о необходимости разыскать стихотворения М. Н. Лермонтова, издать его рукопись об истории Гвардейского экипажа, провести дополнительные исследования. Хочется также обрадовать автора этой заметки, что фотопортрет М. Н. Лермонтова существует и был любезно предоставлен нам историком и журналистом М. Ю. Быковым, за что мы выражаем ему самую искреннюю благодарность.

Однако мы не согласны с А. Смирновым в том, что М. Н. Лермонтов явился единственным и однозначным прототипом «дяди».

Еще в 1976 г. в книгах С. Андреева-Кривича и П. Вырыпаева⁴ появились сведения о тарханских крестьянах – участниках войны 1812 года. И если Андреев-Кривич называет лишь родственника кормилицы Лермонтова отставного солдата Дмитрия Федорова Шубенина, то в книге Вырыпаева приводятся еще фамилии Ивана Григорьева, Егора Леонтьева и дворового человека Лермонтова Петра Иванова, а также говорится о тарханцах – ратниках Пензенского ополчения, отличившихся в зарубежном походе русской армии в 1813–1814 гг. В работе Д. А. Алексеева⁵ приведен полный список тарханских ополченцев: 31 человек из Тархан служили в конном и пешем казачьих полках Пензенского ополчения.

Тот же Дмитрий Федорович Шубенин после возвращения на родину жил в доме кормилицы Лермонтова, и будущий поэт, забегая к ней (о чем сохранились свидетельства старожилов), не мог не встречаться и не говорить с ветераном.

Читая текст стихотворения «Бородино», легко увидеть, что рассказ в нем ведется от лица артиллериста. Исследователи давно заметили, что поэт выделил этот род войск не случайно, ведь во многом именно действия артиллерии решали исход битвы. Кроме того, охват событий сражения в стихотворении достаточно широк, а это наводит на мысль о том, что солдат, находясь на своей позиции, вряд ли смог бы так увидеть сражение – он занят своей боевой работой, и ему практически некогда поднять голову и осмотреть, что делается в «дальнем круге внимания». Такое зрение присуще скорее офицеру, обязанностью которого является не только непосредственное руководство действиями своих подчиненных, но и анализ происходящего вокруг для того, чтобы при смене обстановки (угроза прорыва противника на флангах и т.д.) оперативно принять соответствующее решение.

С учетом вышесказанного прототипом «дяди» – рассказчика мог быть один из братьев бабушки – Дмитрий Алексеевич или Афанасий Алексеевич Столыпина, принимавшие участие в сражении, оба офицеры-артиллеристы. Так, Дмитрий Алексеевич отлично закончил Московский университетский благородный пансион⁶, по примеру отца и братьев с шестнадцати лет

ушел на военную службу. Первые годы его службы проходили в лейб-гвардии конно-артиллерийской роте под командой полковника В.Г. Костенецкого. Так как уставов для подготовки артиллеристов еще не существовало, Д. А. Столыпин, обучая своих подчиненных, сам вырабатывал правила походной и боевой службы. Учения проводились на самых быстрых аллюрах, огонь открывали только в 250 метрах от цели, вся орудийная прислуга обучалась заменять в бою друг друга.

Могучей силы, умный, храбрый, находчивый и образованный, Столыпин сразу же заслужил уважение сослуживцев и командиров. Приобретенный в походах 1805–1807 гг. опыт, правила поведения в походе и в бою артиллерии Дмитрий Столыпин публикует в «Военном журнале» в 1809 и 1810 гг. Используя боевую практику, он обобщает и формирует теоретические основы для устава артиллерии. Правильность его взглядов доказывает на Бородинском поле начальник артиллерии соединенных армий А. И. Кутайсов, сослуживец Столыпина по лейб-гвардии артиллерийской роте. После войны полковник Дмитрий Алексеевич Столыпин проходит службу в войсках Южной армии. Он был близок к полковнику П. И. Пестелю, одному из организаторов движения декабристов. Ценил ум, благородство, организаторские способности, они рассматривали его, наряду с братом Аркадием Алексеевичем, Н. С. Мордвиновым и М. М. Сперанским в состав Временного правительства. Впрочем, маловероятно, что Лермонтов встречался с Дмитрием Алексеевичем, так как тот скоропостижно скончался в январе 1826 г., когда шли аресты декабристов.

А вот встречи с Афанасием Алексеевичем Столыпиным, несомненно, были довольно регулярными. Любимый брат бабушки, он довольно часто приезжал в Тарханы. Афанасий Алексеевич любил Мишу Лермонтова как родного племянника, неоднократно оказывал молодому поэту помощь в различных ситуациях, а тот, в свою очередь, называл двоюродного деда «дядей», «дядюшкой». В его доме состоялась встреча поэта Лермонтова с Денисом Давыдовым. И кто знает, не этой ли встрече обязаны строки: «...столетья прошлого обломок, меж нас остался ты один, гусар прославленных потомок, пиров и битвы граждан...». После смертельной дуэли среди вещей Лермонтова были найдены письма Афанасия Столыпина с наставлением унять гордыню и заниматься поэзией.

Афанасий Алексеевич Столыпин⁷ также 17-летним юношей поступил на военную службу юнкером в артиллерийский полк. Участвовал в кампании 1806–1807 гг. на территории Восточной Пруссии. Здесь же он получил свою первую боевую награду – орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. В Отечественную войну в составе 1-й Западной армии генерала от инфан-

терии М. Б. Баркляя де Толли прошел путь от Немана до Бородина и обратно, а в 1814 г. вступил в поверженный Париж. Афанасий – штабс-капитан, награжден золотой шпагой «За храбрость». После войны он был предводителем дворянства Саратовской губернии, попечителем Саратовской мужской гимназии, председателем попечительства, ведавшим городским театральным делом, председателем комиссии по постройке здания саратовского театра. Он был дружен с прославленным героем войны 1812 года Денисом Давыдовым. Подвиг Афанасия Столыпина в Бородинском сражении описан в истории Гвардейской конной артиллерии.

Видимо, можно назвать еще не одного претендента на роль «прообраза дяди», однако нам хотелось бы сделать следующий вывод: Лермонтов не был бы поэтом, если бы «прямолинейно» описал в стихотворении одного из упоминавшихся людей и воспроизвел, пусть и в стихотворной форме, его рассказ. Несомненно, «дядя» в тексте стихотворения – это старослужащий солдат, и это блестящая находка поэта. Однако в разговоре молодого солдата и «дяди» мы можем видеть и диалог самого поэта с одним из упоминавшихся выше лиц, например с «дядюшкой» Афанасием Алексеевичем. Таким образом, мы можем считать, что в тексте стихотворения присутствуют два плана.

II. «Полковник наш рожден был хватом»

Вторым персонажем стихотворения является «полковник». Ранее среди прототипов «полковника» назывался Д. С. Дохтуров, позже Ф. Ф. Монахтин. В последнее время, благодаря работам историка А. А. Смирнова, утверждается положение о том, что Ф. Ф. Монахтин был единственным прототипом героя-командира⁸.

Исходя из предположения об абсолютной точности описания Лермонтовым своего персонажа, А. А. Смирнов сопоставил судьбу всех полковников, сражавшихся в центре русских позиций (именно этот участок поля описан в стихотворении, по мнению большинства исследователей), с судьбой лермонтовского героя. Отправные точки характеристики героя, использованные исследователем: в Бородинском сражении он принимал участие в чине полковника, храбр («рожден был хватом»: «хват» по Толковому словарю Д. Н. Ушакова – «ловкий, расторопный человек, исполненный удалства»), погиб («сражен булатом» к моменту разговора с «дядей»), сказал бессмертные слова «Москва за нами». Всем этим характеристикам, по мнению А. А. Смирнова, соответствует только Ф. Ф. Монахтин. К тому же Ф. Ф. Монахтин был соучеником по Сухопутному шляхетскому корпусу родного брата деда Лермонтова М. В. Арсеньева Никиты Васильевича Арсеньева, генерал-майора, участника Бородинского сражения. Лермонтов

часто бывал в его петербургском доме и, вполне вероятно, расспрашивал его о прошедшей войне. От двоюродного деда поэт мог узнать о подвиге полковника Монахтина.

В Бородинской битве полковник Ф. Ф. Монахтин исполнял должность начальника штаба 6-го пехотного корпуса. В начале сражения именно он привел егерские полки для поддержки лейб-гвардии Егерского полка, удерживавшего мост через р. Колоочь. При контратаке на батарею Раевского возглавил батальон и получил две раны штыком в левую ногу, но остался в строю.

В ответственный момент боя, поднимая Московский пехотный полк, он крикнул: «Ребята! Представьте себе, что это место – Россия и отстаивайте ее грудью богатырскою!» (заметим, что соответствие словам героя «Бородина» неполное, смысл призыва Монахтина шире – он призывает защищать не только Москву, но всю Россию). Ф. Ф. Монахтин был ранен штыком и пулей, однако, по мнению А. А. Смирнова, здесь Лермонтовым для рифмы могла быть допущена и неточность, в конце концов, штык тоже холодное оружие, т.е. может восприниматься как «булат».

Слово «булат» (от персидского *булад* и тюркского *болот* – сталь) в различных словарях трактуется как «сталь, благодаря особой технологии изготовления отличающаяся своеобразной внутренней структурой и видом («узором») поверхности, высокой твердостью и упругостью. С древнейших времен, первые упоминания встречаются еще у Аристотеля, используется для холодного оружия – клинков мечей, сабель, кинжалов, ножей и др.». Но нам нигде не встречалось отнесение этого слова к штыку.

Коль скоро мы допускаем «неточность» в описании ранения и не очень точную передачу слов героя (Россия, а не Москва), то почему нельзя допустить и другие «вольности» автора в интересах создания более яркого образа.

Например, допущение первое, о чине героя. Так, если принять слово «полковник» в значении командира полка или еще более общем смысле – командир, начальник, то под это определение могут попасть и генералы, и подполковники и даже майоры.

Если проанализировать ритм стихотворения, то из всех воинских чинов того времени в рассматриваемой строке («полковник наш рожден был хватом...») могут быть использованы три: поручик, полковник, фельдмаршал; с перестановкой слов: «наш капитан», «наш генерал» («наш командир»). Однако, если поручик и капитан, «рожденные хватами», вполне допустимы по сочетанию, хотя и не подходят для более масштабного образа героя, созданного поэтом, то, например, «фельдмаршал-хват», наверное, недопу-

стимое сочетание, как, возможно, и «генерал». При этом неплохо вспомнить стихотворение «Поле Бородина», написанное пятью годами ранее, в котором с теми же словами к солдатам обращается не «полковник», а «вождь»:

И вождь сказал перед полками –
Ребята, не Москва ль за нами...

Думается, что на роль вождя в реальных событиях Бородинского сражения могли бы претендовать лишь немногие высшие начальники, среди которых трое главнокомандующих: М. И. Голенищев-Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, П. Н. Багратион, да несколько высших генералов.

В стихотворении «Бородино» «вождь» приближен к солдату, он лично участвует в бою, а значит, им мог быть и кто-то из генералов и высших офицеров, непосредственно сражавшихся на поле боя (а таких было немало). Подчеркивается и личная храбрость героя («рожден был хватом», погиб от «булата», т.е. в непосредственной стычке с врагом).

Итак, оставив чин героя (предполагая только, что он имел довольно высокий чин), попробуем привлечь и другие «приметы».

Во-первых, исторические слова «Москва за нами». Думается, что все воины отчетливо понимали, что в сражении при Бородино решается судьба Первопрестольной русской столицы.

Так, по материалам выставки «Поэтическая летопись Бородинского сражения» в Музее-панораме «Бородинская битва», посвященной 195-летию М.Ю. Лермонтова⁹, отмечен целый ряд близких по смыслу высказывания военачальников.

Так, Д. С. Дохтуров, командир 6-го пехотного корпуса, назначенный командовать войсками 2-й Западной армии после ранения П. И. Багратиона, обратился к своим войскам с воззванием: «За нами Москва, умирать всем, но ни шагу назад – ведь все равно умирать же под Москвою!». Заметим, это высказывание текстуально и по смыслу ближе словам лермонтовского героя.

О Ф. Ф. Монахтине мы уже говорили. Еще одно высказывание (возможно, более позднее по времени) принадлежит храброму российскому генералу принцу Евгению Вюртембергскому: «Москва должна была служить для русского воина тем же, что могила для каждого смертного, за Москвой был уже другой мир».

Поразившее даже врагов мужество проявил дивизионный командир Петр Гаврилович Лихачев, войска которого несколько часов отстаивали Курганную высоту от многочисленных атак неприятеля, под непрерывным огнем его артиллерии. Сидя на стуле в переднем углу редута (стоять ему не позволяла страшная боль в ногах) «под градом пуль, ядер и гранат, когда

вокруг него беспрестанно падали убитые и раненые», он ни на минуту не терял самообладания и лишь подбадривал своих подчиненных: «Смелее, ребята! Помните – мы деремся за Москву!».

Наверняка были и другие воззвания, близкие по смыслу. Таким образом, подтверждается мысль о том, что слова эти, вероятнее всего, звучали на Бородинском поле на протяжении всего дня.

По этому признаку каждый из них, и уж тем более первые двое (хотя Д. С. Дохтуров был генералом), могут считаться прототипами.

Но есть и еще одна особенность личности полковника, ускользнувшая из поля зрения исследователей, но привлекавшая внимание иллюстраторов стихотворения. Это умение собрать вокруг себя людей, одним взором своим воодушевить солдат и навести страх на врагов: «И молвил он, сверкнув очами...»

Только об одном военачальнике того времени мы в воспоминаниях современников можем найти слова, говорящие о силе его взгляда, о «сверкании очей» в минуты опасности. Это любимый ученик и сподвижник А. В. Суворова генерал от инфантерии князь Пётр Иванович Багратион. Конечно, к нему более подходит наименование «вождь». О поведении Багратиона в пылу сражения М. Ю. Лермонтов мог узнать из опубликованных к тому времени мемуаров участников сражения, например Ф. Н. Глинки. Мог он услышать и рассказы Д. В. Давыдова, бывшего долгие годы адъютантом прославленного полководца и видевшего его во многих сражениях, если принять версию о раннем личном знакомстве Лермонтова с поэтом-гусаром, или в передаче того же Афанасия Столыпина. Рассказ солдат о Багратионе мог передать ему и Михаил Николаевич Лермонтов. Ведь, как уже говорилось, его моряки сражались плечом к плечу с гвардейцами 6-го егерского полка, первым шефом которого был тогда еще полковник П. И. Багратион. И старый солдат, ветеран еще суворовских походов, вполне мог назвать Багратиона своим полковником. «Слуга царю, отец солдатам» – именно такими командирами и были воспитанники суворовской школы, своим ратным трудом помогавшие создавать «Науку побеждать».

Интересно, что, создавая иллюстрации к стихотворению «Бородино», художник В. Г. Шевченко на двух листах, посвященных «полковнику», придал герою черты именно князя П. И. Багратиона.

Впрочем, позже Лермонтов напишет подобные строки еще об одном генерале – участнике Бородинского сражения (правда, написаны они будут о другой войне, Кавказской): «Вел войска, грозя очами, генерал седой...» Речь идет о начальнике штаба 1-й Западной армии генерале от артиллерии А. П. Ермолове, который в тяжелейший момент боя за батарею Раевского

организовал оказавшихся поблизости солдат и провел блистательную контратаку, выбив французов из взятых было ими укреплений.

Думается, что черты этих и, возможно, многих других военачальников нашли свое отражение в образе героя-полковника. СобираТЕЛЬНЫЙ образ полковника – прекрасная характеристика офицера (генерала) русской армии, в трудную минуту не жалея своей жизни поднимавшего войска на защиту Родины.

И когда вновь потребовало время, те же самые слова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва», – поднимали бойцов в атаку и в ходе битвы под Москвой в 1941 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розанов С. Что за «дядя» оборонял Москву // Путеводная звезда. 2000. № 8. С. 44–45

² Смирнов А. Рукопись адмирала // Загадки истории. 2014. № 34. С. 3

³ Данченко В. Г. Морские солдаты Российской империи: Очерки истории морской пехоты. М., 2006. С. 162–163.

⁴ Андреев-Кривич С. Тарханская пора. Саратов, 1976; Вырыпаев П. А. Лермонтов: Нов. материалы. Саратов, 1976.

⁵ Алексеев Д. А. Тарханские крестьяне в Пензенском ополчении 1812 г. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. Воронеж, 2008. Вып. 3. С. 203–209.

⁶ Имя Д. А. Столыпина было выбито золотыми буквами на пансионской доске, рядом с именами В. А. Жуковского, Н. И. Тургенева, В. Ф. Одоевского и других знаменитых питомцев Университетского пансиона. Обучаясь в пансионе, М. Ю. Лермонтов с чувством невольной гордости смотрел на эту большую доску с именем бабушкиного брата.

⁷ Об А. А. Столыпине подр. см.: Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1977. Штабс-капитан А. А. Столыпин командовал в Бородинском сражении батареями в легкой роте № 2, а капитан А. А. Вельяминов – 1-й ротой в той же гвардейской Артиллерийской бригаде. Об А. А. Столыпине см. также: Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7.

⁸ Смирнов А. А. Бородино: Что скрывается за лермонтовской строкой... М.: ГИМ, 2006. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Рос. архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 1996. Т. 7. С. 478.

⁹ Поэтическая летопись Бородинского сражения: Выставка из фондов Музея-панорамы «Бородинская битва» (195-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова посвящается) <http://www.1812panorama.ru/virtual/commentaries.html>.